

Мусса Джалиль

Имя Муссы Джалиля, замечательного татарского поэта, стало ныне символом героизма и самоотверженной стойкости.

Но ещё несколько лет тому назад мы очень мало знали о его подвиге, совершённом в фашистском подполье.

Долгое время Джалиль был для всех человеком, пропавшим без вести. Лишь постепенно удалось найти разрозненные страницы героической биографии Муссы Джалиля, удалось собрать их воедино. Теперь перед нами во всём величии встает его подвиг, совершённый во имя Родины, во имя народа.

Мусса Джалиль родился 2 февраля 1906 года в татарской деревне Мустафино Оренбургской области. Мусса рано научился читать и в 6-7 лет знал наизусть множество стихов. В 9 лет он пишет своё первое стихотворение. Оно не сохранилось. Но в 1919 году на странице газеты появилось его стихотворение «Счастье».

Если б саблю я взял, если б ринулся с ней
Красный фронт защищая, сметать богачей,
Если б место нашлось мне в шеренге друзей,
Если б саблей лихой я рубил палачей,

Если б враг отступил перед силой моей,
Если б шёл я вперёд всё смелей и смелей,
Если б грудь обожгло мне горячим свинцом,
Если б пуля засела бы в сердце моём,

Если б смерть , не давая подняться с земли,

Придавила меня кулаком,-
Я бы счастьем считал эту гибель в бою.
Славу смерти героической я в песне пою.

Друг-рабочий, винтовку возьми – и в поход!
Жизнь отдай, если надо, за волю свою!

Под стихотворением стояла подпись «Маленький Джалиль».

В 1927 году Джалиль поступает на литературный факультет Московского университета и переезжает в Москву. Здесь он работает редактором детского журнала.

Ещё до войны Джалиль стал популярным поэтом, произведения которого вошли в школьные учебники.

Что б нашего счастья врагу не отдать,
Тебя я покинул, родная...
Я – раненый – грудью вперёд упаду,
Дорогу врагу преграждая.

1941 год становится переломным в жизни Джалиля.

На второй день войны он пришёл в военкомат с просьбой отправить его на фронт.

Сначала Джалиль попадает в артиллерийский полк «конным разведчиком».

Став бойцом, Джалиль не допускал даже малейшего разлада между своими мыслями и своей судьбой.

Пусть самое тяжёлое, самое страшное. Пусть даже смерть. Но он должен быть там, где проходит передний край борьбы за будущее человечества.

Фронтая лирика стала в годы войны самым оперативным, самым боевым и мобильным оружием литературы.

В своих стихах Джалиль говорит как будто о своём личном, интимном, но это личное сливается с судьбой народа:

Прощай, моя умница! Если судьба
Пошлёт мне смертельную рану,
До самой последней минуты своей
Глядеть на лицо твоё стану.

И в сердце останется только любовь
К тебе и к родному краю,
И строки последние, кровью своей
О ней напишу, умирая.

Джалиль видит пожары и разрушения, смерть друзей и слёзы вдов. В сердце его клокочет ненависть к фашистам, нарушивших мирную жизнь наших людей. Всё это придаёт его стихам энергию и страсть.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чём-нибудь бросит упрёк?
Волхов свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берёг!

В содрогающемся под бомбами
Обречённом на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице!

В 1942 году Джалиль прибывает на Волховский фронт. Малая Вишера была сильно разрушена, на месте многих домов остались одни трубы.

Джалиль начинает работать в газете «Отвага» вместо погибшего Всеволода Багрицкого. Он постоянно рвался на передовую, откуда приносил интересные, насыщенные патриотическим пафосом материалы.

Часто он исчезал из редакции на несколько дней. Все знали: Джалиль там, где грохот разрывов и свист пуль, в самом пекле боя.

Каждая такая вылазка могла стоить жизни, но поэт не задумывался об этом. Вот что он писал своему другу: «...Я сейчас в подлинно боевой обстановке, часто бываю на передовых линиях, с автоматом в руках прохожу очень опасные места и болота чуть не у самых огневых точек врага. Воен-

кор – это далеко не мирное и спокойное занятие, приходится одновременно воевать и писать. Предстоят серьёзные бои с опасным врагом».

Это было последнее письмо Джалиля с фронта.

Как раз в это время 2-я ударная армия под командованием генерала Власова была уже полностью окружена и отрезана от основных сил под деревней Мясной бор. В литературе это место называют Долиной смерти.

Связь с большой землёй поддерживалась только по воздуху, затем и она прекратилась.

Не хватало боеприпасов, продовольствия. Некуда было эвакуировать раненых. Бойцы оставались в зимней форме одежды (в валенках).

Несмотря на это, разрозненные группы бойцов продолжали сопротивление.

В последних числах июня немецкие войска расчленили армию на части. Бои шли повсюду. Где фронт, где тыл – понять было невозможно.

22 июня окружённые пошли на штурм вражеской обороны. Натиск был до того отчаянный, что враг не выдержал, дрогнул. Была пробита брешь, через которую организовано выходили из окружения части 2-й ударной армии, в первую очередь больные и раненые.

Из 24 работников газеты «Отвага» в этот день вышли трое. Джалиля среди них не было.

К вечеру немцам снова удалось ликвидировать брешь. Мусса остался в «содрогающемся под бомбами, обречённом на гибель кольце».

Его судьба долго была неизвестна. И только через несколько лет по воспоминаниям выживших бойцов стало известно, что Джалиля увидели знающие его люди в лагере для военнопленных. И Мусса сам рассказал им свою печальную историю.

Это произошло 26 июня. Так как все предыдущие попытки прорваться через кольцо окружения не увенчались успехом, решили пробиваться с колонной автомашин по дороге в направлении Мясного Бора.

Немцы обнаружили колонну и открыли по ней бешеный огонь. Под колёсами машин рвались мины. Большинство попутчиков Джалиля были или убиты, или ранены. Сам он был ранен и потерял сознание. А когда пришёл в себя – вокруг были немцы.

Прости меня, твоего рядового.
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

В содрогающемся под бомбами,
Обречённом на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла – прошла стороной.
Последний час – и выстрела нет-
Мне изменил мой пистолет...

...Только одна у меня надежда-
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к Отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.

Есть на друзей у меня надежда-
Сердце стремится к одному:
В ваших рядах идти на битву.
Дайте товарищи, место ему!

Стихотворение называется: «Прощай, Родина.»

Поэта переполняют боль, горечь и чувство вины, вины за то, что он остался жив.

Джалиль был готов ко всему, но мысль о плене никогда не приходила ему в голову. Вдобавок ко всему, он всегда мог положиться на свой пистолет, но в данной ситуации воспользоваться им не пришлось.

Фашисты обычно пристреливали тяжелораненых. Мусу свои же солдаты по несчастью прикрывали его как могли, и он уцелел.

Но чем тяжелее было физическое состояние Джалиля, тем с большей силой пробуждалась в нём неукротимая жажда жизни:

Я прежде и не думал, не гадал,
Что сердце может рваться на куски,
Такого гнева я в себе не знал,
Не знал такой любви, такой тоски.

Я жить хочу, что б Родине отдать
Последний сердца движущий толчок,
Что б я, и умирая, мог сказать,
Что умираю за Отчизну-мать.

Военнопленных то и дело переводят из лагеря в лагерь. Сначала Джалиль попадает в Прибалтику, затем в Польшу.

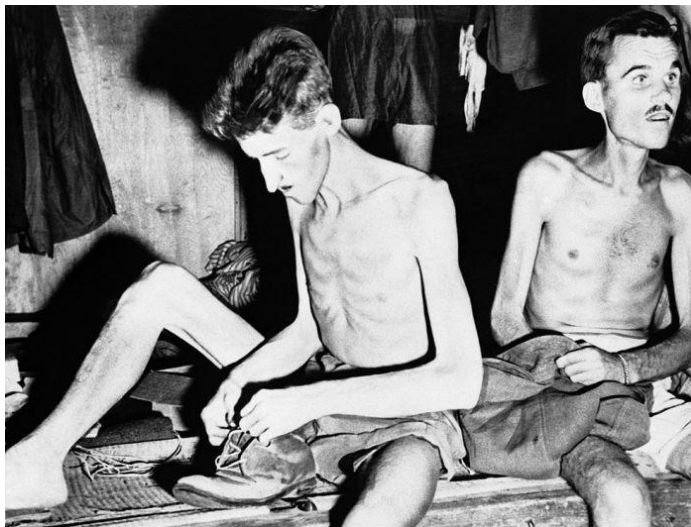
После окончания Великой Отечественной войны, на Нюрнбергском процессе стало известно, что первоначально существовал приказ Гитлера об уничтожении всех «азиатов», оказавшихся в фашистском плену. Это касалось татар, узбеков, киргизов, казахов и т.д.

Но этот приказ действовал только в начале войны. Осенью 1942 года гитлеровское командование, обеспокоенное тяжёлыми потерями на Восточном фронте, стало судорожно искать дополнительные источники для пополнения людских ресурсов.

Был отдан приказ – начать формирование легионов из военнопленных нерусской национальности для борьбы с Советским Союзом.

Расчёт был один: под влиянием голода, системы жёсткого террора советские военнопленные добровольно пойдут в такие легионы.

Сорвать чёрные замыслы фашистов, повернуть оружие, вложенное в руки военнопленных, против самих гитлеровцев – такую задачу поставила перед собой подпольная группа, которую организовал в плену Мусса Джалиль:

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал», -
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошёл воевать
В бой за тебя и за Родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне моей?
Да что же останется в жизни моей?

Труды подпольщиков не пропали даром. Первый же батальон, посланный на восточный фронт, восстал ещё по дороге, перебил немецких офицеров и стражу, и в полном составе перешёл на сторону белорусских партизан.

В августе 1943 года гестапо удалось раскрыть подпольную группу Джалиля, большинство членов подпольной группы было арестовано и брошено в тюрьму.

Провал был тяжёлым. После удачного перехода на сторону советских войск легиона из военнопленных, немцы были начеку, а подпольщики, наоборот, окрылённые успехом, ослабили бдительность и допустили в свои ряды провокатора, которому удалось сфотографировать одно из заседаний подпольного комитета, в руки гестапо попали листовки, написанные руками подпольщиков.

Всем им грозил расстрел за «преступные действия против великого рейха».

В тюрьме их было 12 человек.

Сначала тишина в тюрьме казалась могильной. Но потом слух обострился, и Мусса начал различать лязг дверей, приглушённые стоны узников, грохот подков стражников, идущих за очередной жертвой.

Со временем Мусса до того «наострился», что скорее даже не слухом, а каким-то внутренним чутьём улавливал мягкие, кошачьи шаги надзирателей, обутых в специальные войлочные туфли. Неслышно открывается «глазок» - Мусса не оборачивается, но ощущает взгляд надзирателя. «Глазок» закрывается – Мусса снова берётся за карандаш.

Из твоих когтистых, цепких лап
Сколько раз спасался я!... Бывало
Чуть скажу:»Всё кончено...я слаб!»-
Жизнь мне тотчас руку подавала.

Нет, отказываться никогда
Я не думал от борьбы с тобою:
Побеждённым смертью нет стыда,
Стыдно тем, кто сдался ей без боя.

Сколько им ещё осталось жить? Месяц? Два? А может быть, завтра утром раздастся стук кованных сапог, с лязгом раскроются железные двери и их поведут на казнь?

Сейчас, когда следствие закончилось, это может случиться в любую минуту.

Ныло избитое на допросах тело, не слушались пальцы (гестаповец прошёлся несколько раз по ним каблуками своих сапог). Левая рука, перебитая ещё в Варшавской тюрьме, неправильно срослась. Стоило, забывшись, неловко пошевелить ею, как в голову и в плечо отдавала острая боль. Железными прутьями, просунутыми в железные шланги (такие штуки не оставляют на теле следов) гестаповцы отбили ему почки. И теперь он чувствовал невыносимую ломоту в пояснице, а лицо отекало, как при водянке.

Что смерть? К мысли о ней Мусса успел привыкнуть ещё в Волховских болотах, когда вражеские самолёты метр за метром бомбили отрезанную от своих армию. Смерть не раз заглядывала ему в глаза и в лагере для военнопленных, когда проснувшись утром на сыром земляном полу бывшей конюшни, нужно было пробираться к выходу, перешагивая через скрюченные трупы вчерашних товарищей.

Куда страшнее и невыносимее было клеймо предателя, которое навешивалось автоматически на любого, кто попал в фашистский плен.

Здесь же, в тюрьме, всё встало на свои места. С одной стороны, фашистские палачи с их утончёнными методами следствия, камерами пыток, тюрьмами, виселицами. С другой – горстка советских людей, заброшенных судьбой в самое сердце фашистской Германии. Не надо было лицемерить, кривить душой.

Не преклоню колен, палач, перед тобой,
Хотя я узник твой, я раб в тюрьме твоей.
Придёт мой час – умру. Но знай: умру я стоя,
Хотя ты голову отрубишь мне, злодей.

Мусса знал, что товарищи по заключению верят ему, уважают его, нуждаются в нём. При каждой случайной встрече где-нибудь в коридоре, во время прогулок или при очных ставках у следователя Мусса старался хотя бы взглядом или незаметным кивком головы подбодрить товарищей, помочь им выдержать всё и не согнуться.

Впрочем, все они держались стойко. Мусса считал, что ему легче, чем другим, - ведь с ним оставалась его поэзия, его радость творчества. Сколько невысказанных строк и мыслей теснилось в его голове! Кто бы мог поверить, что именно сейчас, когда жить осталось считанные дни, он переживал небывалый творческий подъём:

Порой душа бывает так тверда,
Что поразить её ничто не может.
Пусть ветер смерти холоднее льда,
Он лепестков души не потревожит.

Улыбкой гордою опять сияет взгляд
И, суету мирскую забывая,
Я вновь хочу, не ведая преград
Писать, писать, писать не уставая.

Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждёт меня палач и вырыта

Могила. Я ко всему готов.

Но мне нужны

Бумага белая и чёрные чернила.

Он спешил, но спешка не изнуряла, а наоборот, придавала ему силы, наполняла смыслом тягостную и безрадостную жизнь. Даже мысль о скорой и неизбежной смерти не мешала, а только подхлестывала его.

Надо было спешить, чтобы оставить обдуманное и накопленное людям, а не уносить с собой в могилу.

Песня меня научила свободе.

Песня борцом умереть мне велит.

Жизнь моя песней звенела в народе.

Смерть моя песней борьбы прозвучит.

Судьба уготовила Джалилю суровые испытания, выдвинула его на самый трудный участок борьбы. И на этом переднем рубеже поэт не согнулся, не растерялся. Наоборот, он до конца раскрыл все возможности своей души и своего таланта, встал вровень с веком.

В стихах Джалиля отразились не просто свойства его личности, а лучшие духовные качества: мужество, стойкость, величие духа.

Нет, врѣшь, палач, не встану на колени,

Хоть брось в застенки, хоть продай в рабы!

Умру я стоя, не прося прощенья,

Хоть голову мне топором руби.

Стихи, созданные в Моабитской тюрьме, не просто человеческий документ, это уже высокая поэзия:

Идёт кровавый пир войны.
Дымят леса, горят посёлки.
Среди полночной тишины
Принюхиваясь, бродят волки.

Зелёный луг железом смят.
Поля пустые смертью дышат.
Глаза волков во тьме горят.
Их ноздри – запах крови слышат.

Вот у леска – полузакрыт
Землёй – в ночном неверном свете
Боец израненный лежит.
Над ним берёзка клонит ветви.

Он стонет, жаждою томим.
Калёной пулей грудь пробита.
Берёзка стонет вместе с ним,
Жалея храброго джигита.

Волк низко голову пригнул,
В глаза темнеющие глянул.
Во тьме случайно шевельнул
Боец рукою – волк отпрянул.

Стон прокатился и замолк.
Белел восток зарёй далёкой.
Не тронул раненого волк.
Вдаль затрусил своей дорогой.

...Явились люди поутру.
Нашли распластанное тело.

Как будто искра на ветру,
В нём жизнь ещё, казалось, тлела.

Они его кололи, жгли –
Уверенно, со знанием дела
Терзали. А потом ушли –
Повесив на берёзе белой.

Идёт кровавый пир войны.
Дымят леса, горят посёлки.
Среди полночной тишины,
Принюхиваясь, бродят волки,

Живую чуя кровь...
Но волки –
Не так страшны.

Значительная часть стихотворений моабитского цикла написана в форме обращений. Поэт обращается к Родине, любимой, друзьям, жизни, смерти, даже к своим палачам.

Но в одном стихотворении он обращается к своим врагам. И оно наполнено гневом и ненавистью:

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.

У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришёл хмельной майор и медными
Глазами

Окинул обречённых... Мутный дождь
Гудел в листве соседних роц
И на полях, одетых мглою.
И тучи опустились над землёю,

Друг друга с бешенством гоня...
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел, плакали, как дети, реки,

И в ярости рыдала мать-земля.
Своими видел я глазами,

Как солнце скорбное, омытое глазами,
Сквозь тучу вышло на поля.

В последний раз детей поцеловало,
В последний раз...

Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Сгущалась мгла вокруг.
Я слышал: мощный дуб свалился вдруг.
Он падал, издавая вздох тяжёлый.

Детей внезапно охватил испуг.-
Прижались к матерям, цепляясь за подола.
И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклатье,
Что вырвалось у женщины одной.

Ребёнок, мальчуган больной,
Головку спрятал в складках платья
Ещё не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!

Всё понял, понял всё малютка.

-Спрячь, мамочка, меня! Не надо
Умирать!-

Он плачет и, как лист, сдержать не может дрожи.
Дитя, что ей всего дороже,
Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...

-Я, мама, жить хочу! Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь?-

И хочет вырваться из рук ребёнка,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.

Не бойся, мальчик мой. Сейчас
Вздохнёшь ты вольно.
Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно. –

И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.

Две жизни наземь падают, сливаясь.
Две жизни и одна любовь!

Гром грянул.
Ветер свистнул в тучах.
Заплакала земля в тоске глухой.
О, сколько слёз, горячих и горючих!

Земля моя, скажи мне, что с тобой?
Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ли хотя бы раз

Такой позор и варварство такое?

Особое место в «Моабитских тетрадах» занимают юмористические стихи. Так была велика сила духа Джалиля, что он продолжал смеяться даже после того, как ему был вынесен смертный приговор.

Вот одно из таких стихотворений, и сегодня оно поражает нас своим изяществом, тонким юмором и неожиданным поворотом мысли:

Есть женщина в мире одна,
Мне больше, чем все, она нравится,
Весь мир бы пленила она.
Да замужем эта красавица.

-А в мужа она влюблена?
-как в чёрта, скажу я уверенно,
-Ну, ежели так, старина,
Надежда твоя не потеряна!

Пускай поспешит развестись,
Пока её жизнь не загублена,
А ты, если холост, женись
И будь неразлучен с возлюбленной.

Ах, братец, на месте твоём
Я мог бы сказать то же самое...
Но знаешь, беда моя в том,
Что эта злодейка – жена моя!

В последних числах апреля 1945 года одно из подразделений советских войск, штурмовавших Берлин, ворвалось с боями во двор фашистской тюрьмы Моабит.

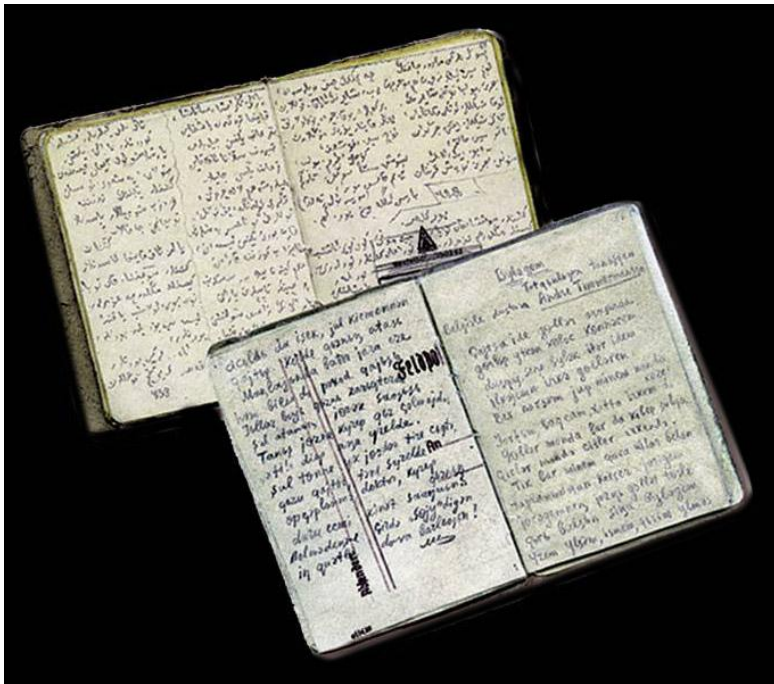
В тюрьме в то время уже ни кого не было – ни охраны, ни заключённых. Сваленные в кучу, догорали какие-то папки. Под ногами хрустело разбитое стекло. Ветер носил по двору мусор и обрывки бумаги. И тут один из бойцов обратил внимание на валявшийся на земле клочок бумаги, на котором было написано что-то по-русски.

Боец поднял листок, разглядел и, не веря своим глазам, прочитал: «Я, татарский поэт Мусса Джалиль, заключён в Моабитскую тюрьму по политическим обвинениям. Скоро буду расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадётся эта записка, пусть обо мне передадут сведения в Москву, в Союз писателей, Александру Фадееву».

Год спустя, в один из весенних дней 1946 года, в Союз писателей зашёл человек лет 35, в хромовых сапогах, пальто, и положил на стол свёрток. Сказал: «Здесь стихи поэтов, погибших в неволе. Они прошли

через много рук, через огонь и ад, через тюрьмы и концлагеря. Я принёс их, выполняя последнюю волю погибших товарищей!»

Когда странный посетитель ушёл, свёрток развернули. В нём оказалось два блокнота. Один совсем крошечный, сшитый из клочков бумаги, второй чуть больше, фабричный, с твёрдыми фабричными корочками.

Мелким убористым почерком было написано: «Другу, который умеет читать по-татарски. Это написал татарский поэт Мусса Джалиль . В 1942 он был взят в плен и заключён в тюрьму. Его приговорили к смертной казни. Он умрёт. Но у него осталось 115 стихотворений. Он беспокоится за них. Если эта книжка попадёт в твои руки, сбереги её, сообщи обо мне в Казань, выпусти в свет мои стихи. Таково моё завещание. Декабрь 1943 года.»

Какая вдали земля:
Просторная, ненаглядная!
Только моя тюрьма
Тёмная, смрадная.

В небе птица летит,
Взмывает до облаков она!
А я лежу на полу:
Руки мои закованы.

Растёт на воле цветок,
Он полон благоухания,
А я умираю в тюрьме:

Мне не хватает дыхания.

Я знаю, как сладко жить,
О, сила жизни победная!
А я умираю в тюрьме,
Это песня моя последняя...

В «Моабитских тетрадах» мало внешних деталей, почти нет описаний тех жестокостей, которым подвергались узники. Не сама близость смерти и физические страдания больше всего угнетали Джалиля, а разлука с Родной страной, оторванность от родных и близких.

Трагична смерть, наступающая человека в самом расцвете сил, в пору его творческой зрелости, когда он так много мог бы совершить в дальнейшем.

* * *

27 августа 1944 года ровно в 6 часов утра раздался грохот кованых сапог, и джалильцев стали выкликать по фамилиям. Казнь состоялась в 10 часов утра этого же дня.

И только через 13 лет за цикл Моабитских стихов Мусса Джалиль был удостоен Ленинской премии.

Вы думаете, павшие молчат?

Конечно «да» - вы скажете.

Неверно!

Они кричат,

Пока ещё стучат

Сердца живых

И осязают нервы.

Они кричат не где-нибудь,

А в нас.

За нас кричат.

Особенно ночами,

Когда стоит бессонница у глаз

И прошлое толпится за плечами.

Они кричат, когда покой,

Когда приходят в город ветры полевые,

И со звездой говорит звезда,

И памятники дышат, как живые.

Они кричат

И будят нас, живых,

Невидимыми, чуткими руками.

Они хотят, чтоб памятником их

Была земля с пятью материками.